

КАЗАЧЬЯ ЛАВА.

(По поводу „Наставленія для дѣйствій казачьихъ частей лавою“).

Въ рядѣ статей въ «Военномъ Сборникѣ» въ 1893 году и въ изданной мною вслѣдъ за симъ брошюрѣ я старался, на основаніи историческихъ данныхъ, доказать, что казачья лавѣ представляетъ изъ себя тактику естественной конницы и является драгоцѣннымъ средствомъ для борьбы съ регулярной западно-европейской кавалеріей. Высказанныя въ упомянутыхъ статьяхъ и въ брошюрѣ мысли нашли большое сочувствіе въ казачьей средѣ и послужили поводомъ къ цѣлому ряду отзывовъ не только въ нашей, но и въ иностранной военной литературѣ. Всѣ, безъ исключенія, высказанныя тогда мнѣнія, различаясь въ частности, сходились въ томъ отношеніи, что казачья лавѣ, примѣненная во всей ея полнотѣ, можетъ не только значительно поднять боевую роль казаковъ, но и стать грознымъ оружіемъ въ борьбѣ ихъ противъ регулярной кавалеріи. Одновременно съ этимъ, по инициативѣ нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ, началось примѣненіе высказанныхъ общихъ принциповъ на практикѣ и выработка построеній и маневренныхъ дѣйствій казачьей лавѣ въ разныхъ случаяхъ современнаго боя. Вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, была образована комисія для разсмотрѣнія вопроса о казачьей лавѣ въ новой ея постановкѣ и для изданія по этому предмету особаго officialнаго руководства. Результатомъ работъ этой комисіи было изданіе въ 1894 году проекта

«Наставленія и Устава для дѣйствій казачьихъ частей лавами», въ которомъ во всей полнотѣ былъ проведенъ взглядъ на казачью лаву, какъ на особаго рода тактику казаковъ для борьбы съ регулярной кавалеріей. Затѣмъ только въ 1899 году было издано нынѣ дѣйствующее «Наставленіе», которое, какъ то будетъ выяснено ниже, значительно отошло отъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе проекта 1894 года.

Практика примѣненія «Наставленія» указываетъ, что было бы полезно вновь пересмотрѣть какъ вопросъ о казачьей лавѣ, такъ и вопросъ о соотвѣтствіи нынѣ дѣйствующаго «Наставленія» съ основной идеей лавы и съ тѣми боевыми задачами, которыя будутъ возлагаться на наши многочисленныя казачьи части. Такой пересмотръ существующаго «Наставленія» для дѣйствій казачьихъ частей лавами въ настоящее время тѣмъ болѣе умѣстенъ, что мы недавно окончили большую войну, изъ опыта которой, вѣроятно, будетъ возможно извлечь нѣкоторыя полезныя указанія.

Пока, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности и выяснить главнѣйшія основанія казачьей лавы, какъ особаго рода тактики естественныхъ конницъ.

На основаніи неопровержимыхъ историческихъ данныхъ можно считать доказаннымъ, что казаки переняли способъ дѣйствій лавою отъ монголо-татаръ, сумѣвшихъ выработать и привести въ строгую систему особую тактику, которую они пускали въ ходъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ противъ всѣхъ своихъ непріятелей, не исключая и рыцарской западно-европейской конницы. Вглядываясь ближе въ причины необычайныхъ погромовъ и завоеваній монголовъ, легко видѣть, что значительная часть ихъ военныхъ успѣховъ должна быть отнесена на долю ихъ тактики, превосходно соображенной какъ съ моральнымъ складомъ характера этой естественной конницы, такъ и съ ея матеріальными данными.

Полный разгромъ и уничтоженіе нашихъ княжескихъ дружинъ на рѣкѣ Калкѣ и рыцарскаго ополченія близъ гор. Лигница, несмотря на отчаянную храбрость побѣжденныхъ, лучше всего показываетъ, какимъ страшнымъ оружіемъ въ рукахъ монголо-татаръ была ихъ тактика. Создателемъ этой тактики былъ геніальный варваръ Чингисъ-Ханъ, сдѣлавшійся изъ ничтожнаго монгольскаго князька обладателемъ половины извѣстнаго тогда міра. Чингисъ-Ханъ называлъ охоту *школою войны* и проводилъ эту идею въ жизнь съ неуклонною послѣдовательностью. На охотахъ, которыя

въ его арміи имѣли значеніе нашихъ маневровъ, монголы дѣлали облаву на какого-нибудь крупнаго звѣря, напримѣръ на медвѣдя, окружая его цѣпью всадниковъ и пуская въ него массу стрѣлъ. Когда звѣрь бросался на одну часть всадниковъ, они скакали отъ него прочь, а другіе напротивъ того насѣдали, осыпая его тучею стрѣлъ. При этомъ всѣ участники этой охоты-маневра кричали: «Лау! Лау!», что на древне-монгольскомъ нарѣчій выражало понятіе стремленія отъ окружности къ центру. При достаточномъ утомленіи звѣря и потерѣ имъ силъ, монголы по сигналу или командѣ бросались на него съ копьями въ рукахъ, причемъ честь перваго удара предоставлялась начальнику. Вотъ, повидимому, зародыши той тактики, которая, доставивъ Чингисъ-Хану и его преемникамъ столько военныхъ успѣховъ, распространилась по всему востоку и въ послѣдующее время была усвоена казаками подъ именемъ Лавы ¹⁾.

Имѣя небольшихъ, хотя сильныхъ и легкихъ лошадей, и не будучи въ состояніи противостоятъ плотному фронту своихъ непріятелей, особенно тяжелой рыцарской кавалеріи, восточная конница еще до столкновенія разсѣивалась и осыпала изъ разсыпного строя атакующихъ рыцарей массою стрѣлъ. Пользуясь быстротой и легкостью своихъ коней, монголы легко уклонялись отъ сомкнутыхъ атакъ рыцарской кавалеріи, которая между тѣмъ сильно терпѣла отъ стрѣлъ и только напрасно утомляла своихъ громадныхъ лошадей. Когда рыцари были достаточно измучены и многія лошади выведены изъ строя, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, монголы вдругъ устремлялись на врага и кончали съ нимъ рукопашной схваткой. Въ дополненіе къ описанному боевому приему монгольская конница постоянно прибѣгала на войнѣ къ притворному бѣгству и устройству засадъ.

Венеціанецъ Марко-Поло, путешествовавшій по Монголіи въ XIII столѣтіи, говоритъ о тактикѣ монголовъ слѣдующее: «Когда татары начинаютъ сраженіе, они никогда не вступаютъ съ непріателемъ въ рукопашный бой, а рыцуютъ кругомъ его и пускаютъ стрѣлы сначала съ одной, потомъ съ другой стороны; по временамъ притворяются, будто бѣгутъ, и на бѣгу стрѣляютъ въ преслѣдующихъ и убиваютъ коней и всадниковъ, словно въ битвѣ челомъ къ челу. При такомъ военномъ способѣ непріятель ду-

¹⁾ Тутъ само собой напрашивается заключеніе, что слово «лава» и. пожалуй, «облава» происходятъ отъ древне-монгольскаго «Лау».

маеть часто, что одержаль побѣду, а на самомъ дѣлѣ проигралъ ее, потому что лишь татары увидятъ, что нанесли ему много вреда, они разомъ обращаются на него, возобновляютъ бой, одолеваятъ прочіе отряды, берутъ ихъ въ плѣнъ, несмотря ни на какія усилія непріятеля».

Изъ разсказа этого очевидца видно, что монголо-татары передъ атакой тщательно *подготавливали* свой ударъ, бросаясь смѣло на непріятеля только тогда, когда по своей многочисленности или другимъ обстоятельствамъ могли рассчитывать на вѣрный успѣхъ.

Другой очевидецъ боевыхъ дѣйствій монголо-татаръ, монахъ Плато-Карпини, такъ описываетъ веденіе боя монголами: «Надлежитъ знать, что, завидя непріятеля, они тотчасъ идутъ на него, и каждый пускаетъ стрѣлы три или четыре. Увидя же, что сломить его трудно, отступаютъ къ своимъ и дѣлаютъ это для обмана, дабы непріятель, погнавшись за ними, попался въ засаду, гдѣ, окружа его, язвятъ и убиваютъ».

Обращаясь къ боевымъ строямъ монголо-татаръ, мы видимъ, что при построеніи значительныхъ силъ наблюдался извѣстный порядокъ, хорошо приспособленный къ тщательной подготовкѣ удара, къ охвату непріятельскихъ фланговъ и къ повторенію ударовъ нѣсколько разъ.

Построеніе коннаго кордуса изъ 40—50 тысячъ всадниковъ въ арміи Тамерлана производилось въ три линіи:

1-я линія—утро псоваго лая—представляла изъ себя цѣпи отдѣльныхъ воиновъ съ небольшими поддержками.

2-я линія, — день помощи, — располагалась въ сомкнутомъ строю на очень большой дистанціи отъ 1-й линіи; частные резервы 2-й линіи располагались *уступами* за правымъ и лѣвымъ флангами ея.

3-я линія, — вечеръ потрясенія, — являлась общимъ резервомъ, состояла изъ тяжело-вооруженныхъ воиновъ и располагалась тоже въ сомкнутомъ строю за серединою боевого порядка.

Дѣйствія описаннаго боевого порядка, какъ указываютъ между прочимъ и живописныя названія его составныхъ частей, заключались приблизительно въ слѣдующемъ: Выдвинувшись значительно впереди общаго резерва, первая линія, — *утро псоваго лая*, наступала на непріятеля, осыпала его стрѣлами, заставляла себя атаковать и затѣмъ разсѣивалась, наводя противника на засады. По истеченіи нѣкотораго времени, въ зависимости отъ силы и искус-

ства врага, вступала въ дѣло вторая линія—*день помощи*, усиливая, гдѣ было нужно, части первой линіи или дѣйствуя сомкнутымъ строемъ изъ засады или противъ достаточно уже разстроеннаго противника. Отступая подъ напоромъ непріятеля, первыя двѣ линіи наводили его на общій резервъ, *вечеръ потрясенія*, который и пускался въ дѣло для нанесенія окончательнаго удара. Атака резерва служила сигналомъ общей атаки въ рукопашную всего коннаго корпуса, въ какомъ бы положеніи ни находились его отдѣльныя части.

Вотъ общій очеркъ боевыхъ дѣйствій монголь, показывающій, что военное искусство ихъ стояло тогда на высокой степени совершенства и было одной изъ самыхъ существенныхъ причинъ ихъ необыкновенныхъ военныхъ успѣховъ. Дѣйствительно, возможность подготовки атаки, построеніе въ нѣсколько линій, уступной порядокъ, употребленіе общаго резерва, умѣнье конницы спѣшиваться для боя, чему есть положительныя историческія свидѣтельства, тщательное развѣдываніе о непріятелѣ, въ связи съ строгой дисциплиной, давали монголамъ большія преимущества въ борьбѣ съ ихъ противниками, особенно съ рыцарской европейской конницей, все военное искусство которой состояло въ стремительномъ ударѣ—шукѣ.

Обращаясь къ военному устройству и способамъ веденія боя крымскихъ татаръ, имѣвшихъ большое вліяніе на сложеніе и развитіе нашего казачества, легко видѣть, что и то и другое сохранило здѣсь полностью свои основныя начала. Хотя военная дѣятельность крымской орды совпала съ періодомъ разложенія монголо-мусульманскаго міра и выродилась въ разбойническіе наѣзды въ сосѣднія страны большею частью внезапно, мелкими партіями, тѣмъ не менѣе основныя черты описаннаго военнаго устройства и тактики монголо-татаръ остались неизмѣнны.

Такъ, Бопланъ говоритъ слѣдующее о способѣ веденія боя крымскими татарами: «если же татары не въ силахъ отразить саблями натиска поляковъ, рассыпаются подобно мухамъ въ разныя стороны, пуская стрѣлы на всемъ скаку и такъ мѣтко, что въ 60-ти и даже въ 100 шагахъ попадаютъ въ непріятеля. Поляки не могутъ ихъ настигнуть, имѣя коней не столь быстрыхъ и поворотливыхъ, какъ татарскіе, а татары, отскакавъ на четверть мили, соединяются, встрѣчаютъ ляховъ строемъ и, при нападеніи ихъ, снова рассыпаются, пуская стрѣлы по прежнему на всемъ скаку черезъ лѣвое плечо (черезъ правое стрѣлять не умѣютъ)».

Имѣя въ виду продолжительную борьбу Россіи съ монголами и съ крымскими татарами и огромное вліяніе, оказанное ими вообще на историческое сложеніе нашего отечества, легко предугадать вліяніе ихъ тактики на образъ дѣйствій русской конницы въ бою. По этому поводу князь Голицынъ въ русской военной исторіи говоритъ слѣдующее: «Въ дѣйствіяхъ своихъ въ бою, русская конница весьма много переняла отъ татаръ, начиная съ лука и стрѣль, которые имѣлъ каждый всадникъ. Передъ началомъ столкновенія русская конница выносилась отрядами впередъ, по указанію князя и, растягивая фронтъ для охвата непріятельскихъ фланговъ, старалась поколебать его массою стрѣль. Если это удавалось, то всадники съ коньями или мечами стремительно бросались въ атаку и опрокидывали противника или вступали въ рукопашный бой. Иногда, если обстоятельства благопріятствовали, конница атаквала противника и безъ подготовки атаки стрѣлами».

Изъ этого видно, что военное искусство монголовъ, распространившись по всей Азіи и Восточной Европѣ, было усвоено не только крымскими татарами, но проникло даже въ русскую конницу московскаго періода исторіи, а потому не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что оно проникло также и въ казачество, столь долгое время боровшееся съ монголо-татарами, привилось тамъ и окончательно вылилось въ формѣ «лавы».

Способъ дѣйствій монголо-татаръ, говоритъ по этому поводу Глазовъ ¹⁾, не пропалъ у насъ безслѣдно; путемъ преемственнымъ онъ передался тѣмъ народамъ, которые замѣнили татаръ, остались на ихъ мѣстахъ и которые путемъ непрестанныхъ столкновеній усвоили ихъ тактику и ею же побивали ихъ. Это и есть наше казачество, основавшееся на югѣ Россіи и долгое время бывшее оплотомъ противъ татарскихъ набѣговъ; понятное дѣло, что среди этой новой естественной конницы возникла и привилась та тактика, которую приходилось испытывать на своихъ плечахъ, и казаки дѣйствительно усвоили ее и окончательно формулировали въ видѣ лавы».

По поводу значенія лавы и дѣйствій казаковъ на западно-европейскихъ театрахъ войнъ въ составѣ русской арміи, въ моей вышеупомянутой брошюрѣ, между прочимъ, говорилось слѣдующее: «Усвоенный казаками отъ восточныхъ народовъ способъ дѣйствій

---

¹⁾ Глазовъ. Конно-саперное дѣло, стр. 27.

на войнѣ въ періодъ сложенія казачества глубоко проникъ въ ихъ общественную жизнь, повліявъ на укладъ его бывшихъ отношеній и на выработку типическихъ сторонъ характера казака. Продолжительная борьба съ татарами, состоявшая изъ непрерывнаго ряда набѣговъ, въ связи съ вышеуказанной тактикой, повела казака по пути развитія его физическихъ и моральныхъ качествъ, а постоянная необходимость быть готовымъ встрѣтить врага у себя или отправиться въ набѣды выработали изъ него хорошаго сторожа и развѣдчика; главныя основанія нынѣ существующаго полевого устава, въ отношеніи сторожевой службы, практиковались казаками еще въ сторожахъ противъ крымскихъ татаръ²⁾.

Съ укрѣпленіемъ русскаго государства, когда казачество органически вошло въ его составъ, казаки появляются на европейскихъ театрахъ войнъ вмѣстѣ съ нашими регулярными войсками. Тутъ имъ пришлось столкнуться съ другого рода противникомъ, съ регулярной конницей, противъ которой они продолжали примѣнять свой обычный способъ дѣйствій—лаву.

Однако продолжительная борьба съ татарами, военное искусство которыхъ выродилось, вслѣдствіе вырожденія монголо-мусульманскаго міра, въ разбойническіе набѣды, не могла подготовить казаковъ къ войнѣ съ правильно организованной европейской конницей, почему мы видимъ казаковъ въ русской арміи первоначально только въ роли развѣдчиковъ и партизановъ.

Петръ Великій, понимая хорошо все значеніе стратегической дѣятельности конницы, далъ широкое примѣненіе дѣйствіямъ ея впереди фронта нашихъ армій, равно какъ и на сообщеніяхъ шведской арміи, чему способствовало значительное количество казаковъ и калмыковъ, состоявшихъ при арміи.

Однако, въ арміи Петра Великаго и его преемниковъ казаки являются среди нашихъ регулярныхъ войскъ еще неорганизованной силой и продолжаютъ выполнять сторожевую и развѣдывательную службу и стратегическія задачи въ смыслѣ лишенія противника средствъ продовольствія. Великій Преобразователь, вѣроятно, не рѣшился еще наложить руку на эту дикую силу, подчинить ее строгой дисциплинѣ и дать ей правильную организацію, ибо казачество сравнительно недавно было присоединено къ Россіи и было расположено къ бунтамъ и возстаніямъ.

²⁾ Вѣдлєвъ. «О сторожевой и станичной службѣ на Польской украинѣ Московскаго государства», стр. 15. (Уставъ сторожевой службы князя Воротынскаго 1571 года).

Но уже во время семилѣтней войны признано было неудобство такого положенія вещей и предположено было учить казаковъ «конной экзерциціи» и дать имъ однообразную форму обмундированія и вооруженія ¹⁾; однако это тогда не было приведено въ исполненіе. Въ этотъ же періодъ времени сфера дѣятельности казаковъ на войнѣ понемногу расширяется, и въ сраженіи при Гросъ-Эгерсдорфѣ мы видимъ столкновеніе казаковъ съ превосходной фридриховской кавалеріей. Очевидецъ этого боя, Болотовъ, говоритъ, что казаки атаквали конницу принца Гольштинскаго, которая стояла неподвижно, съ обычнымъ гиканіемъ и стрѣльбой изъ ружей, но, не доскакавъ до нея, они повернули назадъ, преслѣдуемые прусской кавалеріей. Болотовъ называетъ ихъ за это «негодными воинами», упуская изъ вида, какъ говоритъ Масловскій, что это былъ одинъ изъ обычныхъ маневровъ казаковъ. И дѣйствительно, казаки навели прусскую кавалерію на 15 совершенно готовыхъ къ бою баталіоновъ при 40 полковыхъ орудіяхъ, которые дали по кавалеріи залпъ, имѣвшій «найвождедѣннѣйшій успѣхъ». Конница принца Гольштинскаго «опрометью назадъ обернулась», а вскакавшіе за нашъ фронтъ, пишетъ Масловскій, попали какъ мышь въ западню. Пѣхота тотчасъ опять сомкнулась, и тѣ-же казаки съ регулярными эскадронами встрѣтили и перерубили всѣхъ до единого человѣка.

Несмотря однако на успѣшныя дѣйствія казаковъ въ семилѣтнюю войну, гдѣ они принимали дѣятельное участіе въ набѣгахъ и въ партизанскихъ дѣйствіяхъ нашей конницы, чувствовалась необходимость, какъ сказано выше, организовать эту силу, дабы предоставить ей возможность бороться съ западно-европейской кавалеріей, къ чему не могла подготовитъ казаковъ борьба съ крымскими татарами, представлявшая изъ себя непрерывную малую войну.

Это было произведено уже въ царствованіе Екатерины Великой во время организаторской дѣятельности свѣтлѣйшаго князя Потемкина, когда изъ казаковъ были сформированы особыя части подъ именемъ «регулярныхъ казачьихъ полковъ» ²⁾.

Упорядоченіе военнаго устройства казачьихъ частей, начатое Потемкинымъ, продолжало совершенствоваться въ послѣдующее время и дало, повидимому, благотворные результаты, почему ка-

¹⁾ Масловскій. «Походъ графа Фермора въ восточную Пруссію. (1757—1759 гг.) стр. 229.

²⁾ Марковъ. «Исторія конницы, ч. IV, стр. 279.

заки начинают играть все болѣе и болѣе выдающуюся роль среди нашихъ вооруженныхъ силъ не только какъ партизаны и развѣдчики, но и какъ настоящая боевая сила. Суворовъ очень цѣнилъ казаковъ и пользовался ими въ широкихъ размѣрахъ на поляхъ сраженій, требуя отъ нихъ атакъ противъ регулярной кавалеріи.

Однако позже значеніе казаковъ обнаружилось только въ Отечественную кампанію, когда казаки, по свидѣтельству самихъ нашихъ противниковъ, стали одной изъ причинъ совершеннѣйшаго истребленія вторгнувшейся въ Россію непріятельской арміи.

Широкое развитіе партизанскихъ дѣйствій въ Отечественную войну доставило казакамъ возможность во всю ширь развернуть неопѣнимыя боевыя качества, пріобрѣтенныя ими въ долгой и кровавой войнѣ съ татарами. Славныя имена нашихъ знаменитыхъ партизановъ: Дениса Давыдова, Фигнера, Сеславина, князя Вадбольскаго и др. неразрывно связаны съ дѣятельностью казаковъ.

И здѣсь, противъ отличной наполеоновской кавалеріи, они примѣняли свой способъ дѣйствій съ полнымъ успѣхомъ. Вотъ, что говоритъ о значеніи казаковъ Моранъ, одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ генераловъ арміи Наполеона.

«Какое чудное зрѣлище представляла эта европейская кавалерія, раскинувшая свои линіи на берегахъ Нѣмана, блестящая сталью и золотомъ на солнечныхъ лучахъ іюньскаго дня и сіявшая пыломъ и храбростью!

Какое горькое воспоминаніе оставили по себѣ тѣ безполезныя, истощившія ее маневрированія, которыя она употребляла противъ казаковъ, прежде презираемыхъ, но сдѣлавшихъ для спасенія Россіи болѣе, чѣмъ двѣ арміи этой имперіи! Ежедневно показывались они на горизонтѣ, растянувъ свою линію на громадномъ пространствѣ, а ихъ ловкіе наѣзники подѣзжали чуть не къ самымъ нашимъ шеренгамъ; мы строились, шли на эту линію, но когда уже совсѣмъ подходили къ ней, она исчезала, и на горизонтѣ снова виднѣлись однѣ березы и сосны; но часъ спустя, когда лошадямъ уже заданъ былъ кормъ, атака начиналась снова; черная ихъ линія опять появлялась, и снова повторялись тѣ-же маневры, прпводившіе къ тѣмъ же результатамъ. И такимъ образомъ, самая лучшая, самая храбрая кавалерія была измучена людьми, которыхъ она считала недостойными для себя противниками, но которые между тѣмъ одни могли спасти государство, нашедшее въ нихъ истинную опору и единственныхъ освободителей.

Къ довершенію нашего огорченія нужно прибавить, что наша кавалерія была многочисленнѣе казаковъ, что она была поддержана самой легкой и доблестной артилеріей и т. д. II несмотря на это, казаки возвратились покрытые славой, съ богатой добычей, на плодородные берега Дона, между тѣмъ какъ поля Россіи были усыяны трупами и оружіемъ нашихъ воиновъ, столь доблестныхъ, неустрашимыхъ и столь преданныхъ славѣ нашего отечества. Вотъ, что значитъ организація, вотъ въ чемъ заключается тайна побѣдъ Чингисъ-хана и Тамерлана... и т. д. ¹⁾».

Несомнѣнно, что цитированный авторъ сильно увлекается въ оцѣнкѣ роли, которую играли казаки въ пораженіи и истребленіи арміи Наполеона; тѣмъ не менѣе это самое преувеличеніе ихъ значенія показываетъ, какъ страшны были казаки для французской регулярной кавалеріи, противъ которой они употребляли свою собственную систему атаки—*лаву*. Не будучи въ состояніи по многимъ причинамъ противостоять плотному фронту французской регулярной кавалеріи, они и не принимали ея сомкнутыхъ атакъ, что подало поводъ Мюрату говорить: «Je charge les cosaques à coups de cravache» ²⁾. Это презрительное выраженіе знаменитаго французскаго маршала показываетъ только то, что онъ совершенно не понималъ системы дѣйствій казаковъ на войнѣ и любимаго ихъ боевого приема-обращенія въ притворное бѣгство. Когда же обстоятельства заставляли, казаки, не задумываясь, атаковали даже французскихъ латниковъ, какъ то и было въ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Другой участникъ войны 1812 года, де-Бракъ, одинъ изъ способнѣйшихъ кавалерійскихъ офицеровъ арміи Наполеона, отзывается о казакахъ съ величайшей похвалой и о боевыхъ ихъ дѣйствіяхъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«Если казаки разсѣиваются при отступленіи тѣмъ болѣе, чѣмъ продолжительнѣе ваши атаки, то не думайте, что они потеряли увѣренность или оробѣли. Нѣтъ, это способъ ихъ отступленія, способъ чрезвычайно опасный для преслѣдующаго ихъ непріятели, которому часто приходится раскаиваться въ своей смѣлости ³⁾».

Какъ извѣстно, обращеніе въ притворное бѣгство составляло одинъ изъ самыхъ употребительныхъ боевыхъ приемовъ монголо-

¹⁾ «Военная библіотека», т. VIII.

²⁾ Фадѣевъ. «Вооруженныя силы Россіи», стр. 144.

³⁾ «Военная библіотека», т. VIII, стр. 262.

татаръ, чтобы завлечь непріятеля въ данномъ направленіи подъ засаду и дать возможность другимъ частямъ боевого порядка охватить его съ фланговъ. Несомнѣнно, что и де-Бракъ имѣеть въ виду ту же тактику прежнихъ казаковъ, извѣстную подъ общимъ названіемъ лавы.

Роль нашей казачьей конницы въ періодъ войнъ 1813 и 1814 годовъ была громадна. Помимо того, что казаки были «глазами и ушами» союзныхъ армій, они принимали дѣятельное участіе на поляхъ сраженій, продолжая примѣнять свою особую систему атаки противъ французской регулярной кавалеріи.

Капитанъ прусскихъ уланъ Ганцауге приводитъ слѣдующій случай ¹⁾: «19-го августа 1813 года, по окончаніи перемирія, французы начали тѣснить союзниковъ по направленію къ Берлину и Потсдаму.

Полковникъ Балашовъ съ полкомъ Донскихъ казаковъ получилъ приказаніе произвести рекогносцировку по направленію къ Лютенвальду.

Въ это время многочисленный отрядъ непріятельской (французской) конницы вышелъ изъ города и, въ виду войскъ, началъ перестраиваться въ глубокую колонну съ фланкерами, расположенными только на флангахъ.

Казаки *не могли одолеть своихъ многочисленныхъ противниковъ, и такъ какъ они не подвергались опасности при нападении на нихъ*, то и продолжали наступать; французы двигались рысью и, чтобы воспрепятствовать русскимъ прорваться между эскадронами, плотно сомкнулись и понеслись прямо на центръ нашей линіи, которая, *конечно, разомкнулась при этомъ, чтобы окружить ихъ*. Французы, никого не видя передъ собой, остановились; *но неутомимые противники ихъ, растянутые на ихъ флангахъ и стрѣлявшіе въ массу*, въ самое непродолжительное время привели ихъ въ такое замѣшательство, что сдѣлалось невозможнымъ исполнить какое-нибудь построеніе.

Казаки вовсе и не думали о томъ, чтобы своею стремительною атакою разогнать ихъ; они ограничились тѣмъ, что безпокоили ихъ огнемъ и, употребляя по временамъ свои длинныя пики, производили частныя нападенія. Между тѣмъ, передніе ряды французовъ повернулись лицомъ въ поле, вслѣдствіе чего составилось нѣчто вродѣ каре, которое начало защищаться огнемъ изъ

¹⁾ Нолянъ. «Исторія и тактика кавалеріи».

карабиновъ, и стрѣльба продолжалась около $1\frac{1}{2}$ часа. Наконецъ, изъ за Лютенвальда показались головы колоннъ французской пѣхоты, приближавшейся къ полю сраженія; затѣмъ артилерія выѣхала на позицію и, открывъ огонь, избавила отъ опасности цѣлую кавалерійскую колонну. Полковникъ Балашовъ, не будучи никѣмъ преслѣдуемъ; отступилъ со своими войсками на Шарфенбрюкъ».

Эта выписка особенно краснорѣчиво указываетъ на безсиліе регулярной кавалеріи противъ дѣйствій казаковъ лавою, которая является неуязвимой для атакъ сомкнутого строя.

Пѣня успѣшныя дѣйствія казаковъ на войнѣ при примѣненіи ими своей особой тактики, правительство наше относилось съ уваженіемъ къ особенностямъ боевыхъ дѣйствій казаковъ, что и выразилось въ Сводѣ Законовъ 1831 года, гдѣ въ ст. 8163 говорится слѣдующее:

«Въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля построеніе полка (казачьяго) не подчиняется новымъ правиламъ, но удерживается *образъ служенія, издревле введенный, по легкости и простотѣ оборотовъ толико свойственный казакамъ и въ пользу своей опытами утвержденный*».

Далѣе описывались дѣйствія *лавами*. Это же безъ измѣненія перешло въ Сводѣ Законовъ 1859 года, гдѣ и помѣщено въ «Инструкціи Донскимъ казачьимъ полкамъ».

Насколько этотъ образъ дѣйствій глубоко проникалъ въ жизнь казачества, видно между прочимъ изъ того, что онъ обуславливалъ собою даже нѣкоторые организационные вопросы. Такъ, прежняя казачья сотня имѣла десятичное дѣленіе, и десятокъ, подъ начальствомъ урядника или отборнаго казака, представлялъ въ лавѣ особое звено. До снабженія казаковъ общепринятымъ обозомъ, на каждыхъ 10 казаковъ (звено лавы) полагалась одна вьючная лошадь ¹⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что десятичное дѣленіе казачьей сотни взято прямо отъ монголо-татарской конницы, которая дѣлилась тоже на десятки, сотни, тысячи. При этомъ десятокъ представлялъ изъ себя, такъ сказать, *боевую артель съ круговой порукой*, ибо, по монгольскимъ обычаямъ, если хоть одинъ всадникъ убѣгалъ съ поля сраженія, *то весь десятокъ предавался смерти*. Если же весь

1) Приложение 38 къ ст. 3077, ч. I, кн. 2-я Св. В. Пост. 1859 г., § 238.

десятокъ удалялся изъ боя, то это считалось не преступленіемъ, а вынужденнымъ маневромъ.

Выяснивъ основные принципы казачьей лавы, какъ тактики, усвоенной казаками вмѣстѣ съ сложеніемъ самого казачества, необходимо сказать нѣсколько словъ о способѣ боевыхъ дѣйствій регулярной кавалеріи.

В. Миткевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

